

ИЗ ИСТОРИИ КРИЗИСА ВЕРХОВ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Н. Ф. СЛАВИН

За несколько дней до Октябрьского вооруженного восстания произошло резкое столкновение между военным министром Временного правительства генералом А. И. Верховским и министром иностранных дел М. И. Терещенко по одному из коренных вопросов дня — об отношении к войне. Результаты этого столкновения оказались весьма неблагоприятными для военного министра, он был вынужден уйти в отставку.

В. И. Ленин, внимательно следивший за положением в лагере контрреволюции, оценил отставку Верховского как событие большого политического значения. В историческом ленинском письме, написанном вечером 24 октября 1917 г., об этом событии упоминается дважды. И это, конечно, не случайно. Дело в том, что изгнание Верховского явилось едва ли не самым наглядным выражением острейшего кризиса, который переживали в тот момент правящие верхи. Удаление Верховского из состава Временного правительства В. И. Ленин рассматривал как одно из проявлений «буржуазного натиска корниловцев», как свидетельство того, что политическую линию правительства определяют наиболее агрессивные корниловские элементы. Дальнейшее сохранение власти в руках Керенского и компании грозило неисчислимыми бедами революции и народу. Отсюда В. И. Ленин делал важнейший вывод, что «ждать нельзя», что необходимо немедленно, не теряя ни одного дня, свергнуть корниловское правительство, «которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор»¹.

Из сказанного следует, что изучение вопроса о причинах, обстоятельствах и результатах конфликта, разыгравшегося в правительственных сферах накануне Октябрьской революции, существенно важно для понимания сложившейся тогда конкретной политической обстановки. Между тем в нашей исторической литературе вопрос этот не получил сколько-нибудь значительного освещения. В «Истории гражданской войны в СССР» (т. 2) отставке Верховского посвящено несколько строк, способных лишь вызвать недоумение у читателя. Здесь говорится, например, что «перепуганный нарастанием революции в армии, министр перестал посещать заседания правительства, невнятно заявив о своих разногласиях с ним»². Так и остается невыясненным, в чем состояла связь между «испугом» военного министра и его нежеланием участвовать в работе правительства, в чем суть возникших в правительстве расхождений и т. д. В новейших очерках истории Октябрьской революции об отставке Верховского вообще нет никаких упоминаний³. И это,

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 435.

² «История гражданской войны в СССР», т. 2, М., 1943, стр. 197, 198.

³ См., напр., «История Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1962; П. Березов. Революция совершилась, М., 1962; В. И. Казанцев и М. П. Крылова. Партия большевиков — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1962, и др.

кстати сказать, несмотря на то, что теперь в распоряжении историков имеются обширные воспоминания бывшего военного министра⁴.

Следует отметить, что некоторые сведения об отношении А. И. Верховского к проблемам войны и мира приводятся в немногочисленных работах о внешней политике Временного правительства и подготовке «второй корниловщины»⁵ и др. Однако целостного анализа политической линии Верховского в этих работах нет, и поэтому его столкновение с Керенским — Терещенко выглядит случайным, немотивированным.

В данной статье ставится задача выявить основной политический смысл и значение тех колебаний и разногласий среди правящей верхушки, которые вызвали отставку Верховского и фактически привели к началу нового кризиса власти накануне Октябрьской революции.

* * *

В. И. Ленин, определяя после июльских событий 1917 г. перспективы дальнейшего развития революции, писал: «Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны»⁶. Разгром корниловского мятежа, представлявшего собой попытку буржуазии установить открытую военную диктатуру, в огромной мере способствовал нарастанию гигантского революционного подъема рабочих, солдат и крестьян.

В процессе борьбы с корниловщиной произошли глубокие сдвиги в расстановке классовых сил. До конца обнажилась теперь контрреволюционная, антинародная сущность буржуазии и ее кадетской партии. Вместе с тем полный морально-политический крах потерпела политика соглашательства с буржуазией, проводившаяся меньшевиками и эсерами. С поразительной быстротой стали возрастать влияние и авторитет большевиков, что нашло свое отражение в факте массовой большевизации Советов, оживших и окрепших в борьбе с корниловщиной.

Столь неожиданный для буржуазии финал корниловской авантюры, которая так тщательно готовилась опытнейшими генералами и политиками и поддерживалась всей мощью капитала, вызвал страх и растерянность в лагере контрреволюции. Правящие верхи после разгрома мятежа столкнулись с рядом острейших проблем, и первой среди них была проблема власти. Известно, что в начале выступления Корнилова из состава коалиционного правительства вышли кадеты, вызвав тем самым острый правительственный кризис. Кадеты находились тогда в полной уверенности, что новое правительство будет образовано генералом Корниловым. Однако, едва выяснилось, что корниловский заговор терпит крах, как они стали принимать энергичные меры к восстановлению коалиции, стараясь «чуть не насильно... влезть в правительство»⁷.

⁴ А. И. Верховский. На трудном перевале, М., 1959. В предисловии Е. Н. Городецкого к воспоминаниям Верховского дана критическая оценка политической позиции их автора. Однако характеристике деятельности Верховского как военного министра Е. Н. Городецкий уделяет сравнительно мало внимания и, в сущности, не касается вопроса о его выходе из состава Временного правительства. Перу А. И. Верховского, помимо воспоминаний, принадлежит также дневник, изданный в 1918 г. (А. И. Верховский. Россия на Голгофе, Пг., 1918). В дневнике, составлявшемся по свежему следу событий, более непосредственно, нежели в воспоминаниях, передается атмосфера предоктябрьских дней, подлинные настроения автора, его планы и замыслы. О судьбе Верховского см. предисловие Е. Н. Городецкого к книге «На трудном перевале».

⁵ См. Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Временного правительства, М., 1946; А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г., М., 1958; Н. Я. Иванов. Из истории борьбы против «второй корниловщины». «Вопросы истории», 1960, № 11, и др.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 2.

⁷ «Известия», 3 сентября 1917 г.

Преданнейший лакей буржуазии Керенский с радостью пошел на встречу кадетам, и уже в течение 30—31 августа почти закончил формирование нового коалиционного правительства. Но, как об этом с горечью писал впоследствии Милюков, Керенский «рассчитывал без хозяина»⁸. Под давлением масс эсеры и меньшевики оказались вынужденными потребовать от Керенского прекращения переговоров с кадетами об образовании новой коалиции. Временный выход из положения был найден в образовании (1 сентября 1917 г.) «беспартийной» Директории (во главе с Керенским), которой правительство передавало всю «полноту своей власти»⁹. Так предпринималась попытка сохранить в неприкосновенности диктаторскую власть буржуазии.

После разгрома корниловского мятежа наряду с проблемой власти особую остроту приобрел вопрос о формировании нового высшего военного руководства. Корниловщина в корне подрвала престиж генералитета и офицерства и привела к резкому усилению процесса большевизации солдатской массы. В этих условиях правящие круги одну из ближайших и важнейших задач власти видели в том, чтобы вывести из-под удара генералов-корниловцев, укрепить положение командного состава, сохранить армию в качестве силы буржуазной контрреволюции. Прежде всего требовал незамедлительного решения вопрос о назначении нового верховного главнокомандующего вместо заговорщика и мятежника генерала Корнилова. Керенский еще в момент мятежа установил контакт с генералом Алексеевым и предложил этому отъявленному реакционеру стать преемником Корнилова на посту верховного главнокомандующего «для мирной ликвидации ставки и во имя спасения офицерства на фронте от мести и самоуправства разъяренных низов»¹⁰. Поскольку надежды на успех мятежа не оставалось, Алексеев согласился ехать в ставку, но только в качестве начальника штаба, а должность главнокомандующего он предложил Керенскому взять на себя¹¹. Так волею контрреволюции штатский фигляр Керенский стал главою действующей армии.

Назначение Керенского на высший командный пост шокировало генералов и офицеров, но они отлично понимали, что в сложившейся ситуации значительно удобнее осуществлять командование «разъяренными низами» через посредство «социалиста» Керенского, нежели через царского генерала Алексеева.

С исключительной проницательностью разоблачал контрреволюционные действия Керенского В. И. Ленин, говоря, что «после корниловщины правительство Керенского все *оставляет по-старому*, что оно *на деле восстанавливает корниловщину*. Назначение Алексеева, „мир” с Клембовскими, Гагаринными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым — все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстанавливает корниловщину»¹².

После вступления Керенского в должность верховного главнокомандующего стал вакантным занимавшийся им ранее весьма важный пост военного и морского министра. Но Керенскому, несмотря на кризис власти, путем персональных приглашений беспартийных специалистов удалось в короткий срок заполнить образовавшуюся брешь в руководстве военным ведомством. Причем ранее единое министерство было разделено на два — военное и морское. Морским министром стал опыт-

⁸ П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 3, София, 1921, стр. 14.

⁹ «Вестник Временного правительства», 3 сентября 1917 г.

¹⁰ А. Ф. Керенский. Заговор ген. Корнилова. «Новая Россия», Париж, 1937 № 20, стр. 5.

¹¹ См. там же.

¹² В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 205.

ный адмирал Д. М. Вердеревский. На пост же военного министра Керенский пригласил командующего Московским военным округом полковника А. И. Верховского.

Чем же объяснить, что молодой офицер Верховский удостоился столь высокой и совершенно неожиданной для него чести? Верховский, бесспорно, прав, считая, что этим назначением Керенский рассчитывал нажить политический капитал и «заткнуть рот» своим противникам, разоблачавшим его связи с Корниловым¹³. Вступление Верховского, не подчинившегося мятежнику Корнилову, в должность военного министра как бы уравновешивало возвращение в ставку матерого корниловца Алексева. Такого рода действия были вполне в духе тайного корниловца бонапартиста Керенского.

Но Верховский был не только антикорниловцем. В его «активе», как это было уже отмечено Е. Н. Городецким, числилось и беспощадное подавление солдатских выступлений¹⁴. Кроме того, как нам представляется, политическую неопытность Верховского Керенский также рассматривал как важное достоинство своего будущего военного министра. Косвенно это признает и сам Верховский. Поначалу отказываясь от предложенного ему поста, Верховский сослался прежде всего на то, что он «не политический человек», а «солдат». Но Керенский возразил: «Если вы солдат, то вы должны исполнить то, что прикажет вам Временное правительство»¹⁵. Повинуясь приказу, Верховский стал военным министром. А Керенский полагал, что осыпанный его милостями, возведенный в звание генерал-майора, молодой военный министр и в дальнейшем станет надежным исполнителем его воли. Вскоре, однако, выяснилось, что во взглядах Верховского и Керенского по вопросам военной политики имеются серьезные различия.

Верховский свое назначение на высокий министерский пост истолковал в том смысле, что ту «демократическую» линию, которая им проводилась в Москве, надлежит теперь «осуществить во всероссийском масштабе»¹⁶. Для тактической линии Верховского весьма характерно, что по прибытии в Петроград 3 сентября 1917 г. свой первый визит он нанес эсеро-меньшевистским руководителям Центрального исполнительного комитета Советов. Уже во время первой встречи с эсеро-меньшевистскими заправилами Верховский изложил им основы своего плана реорганизации армии на «демократических началах».

В чем же заключался этот план? Новый министр высказался за то, чтобы произвести в армии замену генералов и офицеров—приверженцев Корнилова другими, главным образом молодыми людьми, пользующимися доверием армейских организаций. Министр считал необходимым, в частности, удаление из ставки генерала Алексева, который «солидаризировался с Корниловым». Далее Верховский подробно остановился на своем проекте сокращения армии за счет расформирования непомерно разросшихся тыловых военных учреждений. При этом, какого бы вопроса ни касался военный министр, он старательно подчеркивал, что стремится к установлению «теснейшего сотрудничества» командования с Советами и армейскими организациями. Только таким путем можно было, по его мнению, «восстановить боеспособность армии». 4 сентября Верховский записал в своем дневнике: чтобы «задачи поднятия дисциплины в армии... были поняты массой и не встретили противодействия, они должны массам говориться их представителями в Советах и на понятном им революционном языке»¹⁷.

Такого рода установки военного министра весьма импонировали

¹³ См. А. И. Верховский. На трудном перевале, стр. 344.

¹⁴ Там же, стр. 13.

¹⁵ Там же, стр. 344.

¹⁶ Там же, стр. 345.

¹⁷ А. И. Верховский. Россия на Голгофе, стр. 114.

эсеро-меньшевистским соглашателям: фактически это была их линия. На общеармейской конференции партии эсеров, состоявшейся в начале сентября 1917 г., был предложен ряд мер «для поднятия боеспособности армии», совпадавших, в сущности, с тем, что было намечено Верховским¹⁸. Все это поясняет, почему, как отмечает Суханов, Верховский «имел хорошую левую прессу», а соглашательский ЦИК пообещал военному министру свою решительную поддержку¹⁹.

В совершенно ином духе проходила первая встреча Верховского с Керенским, который прежде всего резко выразил свое недовольство тем, что военный министр установил связь с ЦИКом. «Мы с таким трудом избавились от постоянной ферулы Советов, а вы возвращаете нас в положение до 5 июля», — негодовал Керенский²⁰. Работа в контакте с Советами, смена командного состава — все это, как считал Керенский, было уже «пройденным этапом».

Таким образом, уже в первые дни пребывания Верховского на посту военного министра между ним и Керенским пробежала черная кошка. Но Верховский в тот момент не придавал этому большого значения. Тогда он не понимал еще в полной мере, что новый верховный главнокомандующий корниловец Керенский во всем оставался верен методу своего предшественника и делал все, чтобы ускорить восстановление корниловщины. Для такого рода подозрений у Верховского, казалось, тем более не могло быть оснований, что его предложения Временным правительством были встречены в общем «сочувственно»²¹. Генерал Алексеев получил отставку²². По рекомендации Верховского молодой офицер полковник Полковников был назначен на высокий пост командующего Петроградским военным округом, а полковник Архипов получил аналогичное назначение в Казанский военный округ. Через правительство был проведен приказ о демобилизации солдат старше сорока лет.

Верховский все это склонен был расценивать как показатель того, что правительство приняло его программу. Такое предположение выглядело тем более основательным, что именно военному министру Директория поручила ряд ответственных официальных выступлений. Так, в связи с созывом Демократического совещания Верховский выступил 10 сентября 1917 г. на заседании ЦИК, заявив при этом: «Я уполномочен Временным правительством приветствовать предстоящее Демократическое совещание. Мы, правительство, не мыслим возможности работать, не опираясь на весь народ и на организованную демократию...»²³. Выступал Верховский одним из первых ораторов и на самом Демократическом совещании в день его открытия 14 сентября²⁴. Все как будто подавало надежду, что планы военного министра будут вскоре реализованы.

В действительности, однако, дело обстояло совершенно иначе. Формально Директория приняла некоторые предложения Верховского и сделала несколько антикорниловских жестов. Но сделано-то это было для того, чтобы таким путем усыпить бдительность революционных ра-

¹⁸ См. М. Броун. Очерк деятельности военной комиссии при ЦК партии эсеров. «За народ», 1917, № 1, стр. 98.

¹⁹ См. Н. Суханов. Записки о революции, кн. 6, Берлин — Пг. — М., 1928, стр. 59; А. И. Верховский. На трудном перевале, стр. 353.

²⁰ См. А. И. Верховский. На трудном перевале, стр. 355.

²¹ См. «День», 8 сентября 1917 г.

²² Кратковременная деятельность генерала Алексеева в ставке была направлена к тому, чтобы сохранить здесь корниловские порядки и создать наиболее благоприятные условия пребывания под арестом Корнилову и его сообщникам. Новый начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Духонин был рекомендован на этот пост самим генералом Алексеевым и полностью разделял его взгляды. (См. М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам, М., 1957, стр. 173).

²³ «Известия», 12 сентября 1917 г.

²⁴ См. «Известия», 15 сентября 1917 г.

бочих и солдат, единодушно требовавших покончить с политикой покровительства корниловцам. В тех же целях компания Керенского — Терещенко стремилась использовать и популярность военного министра среди так называемой «демократии», причем дело изображалось таким образом, что в правительстве якобы нет расхождений, в частности по вопросам военной политики. В то же время министр иностранных дел Терещенко весьма опасался, что «демократические» высказывания нового военного министра могут произвести неблагоприятное впечатление на империалистов Антанты, еще проливавших горькие слезы в связи с поражением Корнилова. Поэтому Терещенко поспешил уже 7 сентября направить дипломатическим представителям России за границей телеграмму, в которой подчеркивал, что «в общем линия, принятая в отношении военных мер, нисколько не изменилась и проводится с полной твердостью»²⁵.

В телеграмме, направленной русским дипломатическим представителям 11 сентября, Терещенко снова дал инструкции о том, как успокоить союзников. Он пояснил, в частности, что военная программа Верховского в «демократических кругах» встречается с сочувствием и что это облегчает задачу создания коалиции. Терещенко особо отметил, что «уход Алексеева не должен ни в каком случае смущать союзников», поскольку он способствует созданию в армии «атмосферы доверия», а это, подчеркивал Терещенко, «главная задача сейчас». Кроме того, союзники должны были учесть, что часть новых назначений «сделана по указанию Алексеева»²⁶.

Таким образом, воспринимая отдельные элементы военной программы Верховского, Директория стремилась тем самым замаскировать антинародную сущность проводившейся ею политики, которая, по сути своей, продолжала оставаться корниловской политикой. Военная политика являлась составной частью общей политики правительства, и добиться подлинной демократизации армии можно было только путем ликвидации власти буржуазии и установления власти рабочего класса. «Середины нет,— писал В. И. Ленин.— Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина»²⁷. Весь последующий ход событий очень быстро полностью подтвердил глубокую истинность слов В. И. Ленина.

Одним из крупных политических событий конца сентября 1917 г. явилось образование нового правительства. Вследствие очередного предательства эсеро-меньшевистских лидеров Керенскому и на этот раз удалось сколотить коалиционное правительство. Теперь с формальной точки зрения необычайно затянувшийся кризис власти был разрешен. Но беда сентябрьской коалиции состояла в том, что она с первых же часов своего существования оказалась окруженной ненавистью народа. От бессознательно доверчивого отношения к буржуазии, характерного прежде для настроения масс, после разгрома корниловщины не осталось ни следа. Следовательно, «новое» правительство — и в этом состояла его важнейшая особенность — открыто выступало как правительство меньшинства, как «правительство *измены* демократизму и революции, правительство *империалистской* бойни, правительство *охраны* капиталистов и помещиков *от* народа»²⁸.

Вот почему весть об образовании правительства Керенского — Ковалова была встречена по всей стране взрывом возмущения и негодования. Советы повсеместно принимали резолюции недоверия «новому» коалиционному правительству. Все это были показатели того, что на-

²⁵ «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 94.

²⁶ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис». Документы и материалы, М., 1961, стр. 225.

²⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 205.

²⁸ Там же, стр. 275—276.

ступил «величайший перелом» в истории революции, что «кризис на-зрел»²⁹, что сложились объективные условия, необходимые для успешной подготовки и проведения пролетарского вооруженного восстания.

Каким же образом рассчитывали в такой обстановке править организаторы коалиции, что могли они противопоставить натиску приближающейся социалистической революции? Что касается эсеро-меньшевистских лидеров, то они особенно большие надежды возлагали на убудочный Предпарламент, который, по их планам, должен был послужить опорой и прикрытием для антинародной буржуазной власти. Главари же буржуазно-помещичьей контрреволюции наиболее надежным и радикальным методом укрепления буржуазной власти по-прежнему считали беспощадное физическое подавление революционных сил, возглавляемых большевистской партией. Назначение Керенского на пост верховного главнокомандующего, сохранение за ним руководящего положения в «новом» правительстве, включение в состав правительства таких сторонников «решительных действий», как Коновалов, Кишкин, Терещенко и др., рассматривались корниловцами как весьма обнадеживающие факторы.

Под руководством Керенского, которого В. И. Ленин называл «самым опасным корниловцем»³⁰, ставка фактически занялась организацией новой армии, способной стать ударной силой второй корниловщины. На фронте и в тылу с лихорадочной поспешностью формировались ударные батальоны, в которых уже к октябрю 1917 г. насчитывалось несколько десятков тысяч штыков³¹.

Мало того. По указанию Керенского в ставке был срочно разработан новый проект реорганизации армии, в основу которого легли истинно корниловские принципы. Запроектированные ставкой «мероприятия по поднятию боеспособности армии» узаконивали формирование георгиевских и ударных батальонов, намечали «полное прекращение какой бы то ни было агитации в войсках», предусматривали учреждение полковых, корпусных и окружных судов и рассмотрение ими «самым ускоренным порядком» дел «о нарушении воинской дисциплины», что должно было производить «соответствующее впечатление на массы» и т. д. Кроме того, намечено было установление «строгой цензуры литературы, проникающей в войска», восстановление военной цензуры. В полную зависимость от реакционного командования ставились войсковые организации, низводившиеся к тому же до уровня бесправных хозяйственно-культурных комитетов³².

Из сказанного можно сделать вывод, что действиями ставки был сведен на нет план реорганизации армии, разработанный Верховским. И хотя этот план формально не был отвергнут, Керенский, пользуясь своим положением верховного главнокомандующего, совместно со ставкой воспрепятствовал проведению в жизнь «демократических» замыслов Верховского. Становилось все более очевидным, что военная политика «нового» правительства определяется корниловцами и служит их целям.

Возникает, естественно, вопрос об отношении Верховского к провалу

²⁹ Там же, стр. 272.

³⁰ Там же, стр. 349.

³¹ Встречающиеся в литературе сведения о численности ударных батальонов весьма разноречивы: свыше 40 батальонов силой до 50 тыс. штыков (А. И. Верховский. На трудном перевале, стр. 373); около 70 ударных батальонов и отдельных полков (Г. И. Журавлев. К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «Исторические записки», т. 56, стр. 281); 34 батальона, насчитывающих 80 тыс. человек (Е. Ф. Ерыкалов, Ф. В. Носов, Е. П. Путьрский, С. Н. Шунденко. В огне революции, М., 1961, стр. 171). Вопрос о численности боевых сил контрреволюции накануне Октября нуждается, таким образом, в специальном изучении.

³² См. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 97—101.

его планов перестройки армии. Может показаться странным на первый взгляд, но за месяц пребывания на посту военного министра Верховский и сам охладел к своему детищу. В начале октября 1917 г. он говорил следующее: «Поздно теперь начинать проводить те мероприятия, о которых шла речь месяц назад, обстановка резко изменилась за этот месяц, и требуется новое решение»³³. Но что же изменилось?

А изменилось то, что влияние эсеров и меньшевиков, много делавших, как считал Верховский, «для поднятия боеспособности войск», резко упало, и это было очевидным для всех военных деятелей³⁴. Заместитель начальника штаба ставки генерал Вырубов, выступая 10 октября на заседании предпарламентской «комиссии по обороне», отметил, что солдаты признают «умеренно социалистические органы печати контрреволюционными и буржуазными». Солдаты изгоняли соглашателей из армейских организаций, и положение последних, как считал Вырубов, стало «крайне трудным»³⁵.

В то же время в армии, как и повсеместно в стране, неудержимо росло влияние большевиков. Характеризуя положение в армии, В. И. Ленин писал в середине октября 1917 г.: «...сообщения с фронта все чаще и все определеннее показывают, что масса солдат, вопреки злостным клеветам и нападкам эсеровско-меньшевистских вождей, офицеров, депутатов и проч., и проч., все решительнее и решительнее переходит на сторону большевиков»³⁶. Факт перехода солдатских масс на сторону большевиков были вынуждены, стиснув зубы, признать и сами соглашатели. Например, председатель эсеровской организации Х армии С. Рубинштейн в своем донесении от 10 октября с тревогой писал, что большевизм «пользуется громадным успехом среди войска»³⁷. Столь же безрадостные для соглашателей вести шли со всех фронтов.

Изоляция эсеров и меньшевиков, огромный рост популярности большевиков среди солдатской массы, большевизация армейских организаций, которым в плане Верховского отводилась роль чуть ли не главного звена, — все это и явилось причиной того, что военный министр занялся экстренными поисками «нового решения».

В чем же должно было состоять это решение? Документы неоспоримо свидетельствуют о том, что Верховский отнюдь не был принципиальным противником самых жестоких мер борьбы с нарастающим революционным движением, с большевиками. Наоборот, он стоял на той точке зрения, что «борьба должна быть беспощадной, всеми средствами, с оружием в руках»³⁸. И это были не только слова. 11 октября 1917 г. военным министром был издан приказ о немедленном пополнении «недостающих кадров милиции» Временного правительства за счет откомандирования из армии части офицеров и «лучших солдат», преимущественно из числа георгиевских кавалеров³⁹. Через несколько дней по военному ведомству был отдан еще один приказ, направленный к тому, чтобы ускорить принятие «самых решительных мер вплоть до применения оружия для подавления анархии». Приказом предусматривалось прикрепление запасных полков, находившихся в тыловых гарнизонах, к дивизиям действующей армии. Фронтовому командованию вменялось в обязанность «принимать все зависящие меры» для предупреждения и подавления революционных выступлений в гарнизонах. Для несения полицейской службы Верховский привлек даже казаков⁴⁰.

³³ А. И. Верховский. На трудном перевале, стр. 373.

³⁴ См. А. И. Верховский. Россия на Голгофе, стр. 115.

³⁵ ЦГАОР, ф. 1239, оп. 1, д. 26, л. 1.

³⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 400.

³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 26, л. 81.

³⁸ «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 84.

³⁹ «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 102.

⁴⁰ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного вос-

Приказы и действия Верховского не противоречили, таким образом, общей линии корниловского правительства. Тем не менее «новое решение» Верховского состояло отнюдь не в том, что он «счел возможным примкнуть к корниловцам второго призыва. Напротив, Верховский видел — и чем дальше, тем больше, — что посредством одного лишь оружия нельзя «покончить с анархией». Он был убежден, что в распоряжении военного командования нет такой реальной силы, которая могла бы разгромить большевизм. Об этом военный министр прямо заявил на заседании Временного правительства 17 октября 1917 г. при обсуждении вопроса о мерах борьбы с большевиками⁴¹. Отсюда Верховский приходил к решающему выводу о том, что определяющим условием упрочения буржуазной власти могло явиться лишь падение влияния большевиков в массах, особенно среди солдат. Любыми мерами необходимо было, по мнению Верховского, добиться того, чтобы Временное правительство «стало правительством большинства народа»⁴². Только в этом случае, как полагал Верховский, могли дать существенный эффект и карательные, и военно-организационные мероприятия.

Но каким же образом антинародное Временное правительство могло завоевать доверие, в частности солдатских масс, и стать «правительством большинства»? Широкая информация, которую получал Верховский из действующей армии и тыловых гарнизонов, приводила его к выводу, что особенно опасными последствиями для буржуазной власти чревата политика дальнейшего затягивания ненавистой народу войны. По свидетельству бывшего верховного комиссара ставки эсера В. Станкевича, там ежедневно получали «груды телеграмм», в которых говорилось о «необходимости немедленного мира»⁴³. Начальник штаба ставки генерал Духонин и его заместитель Вырубов в своих выступлениях на заседании предпарламентской комиссии по обороне 10 октября неоднократно подчеркивали, что самой характерной чертой настроения солдатских масс была «жажда мира»⁴⁴.

Намечая «новую» тактику борьбы с революционным движением масс, Верховский и учитывал прежде всего огромную притягательную силу и популярность лозунга мира. «Вопрос о мире, — писал он в своем дневнике, — как лампочка Аладина, кто ее взял, тому служат духи, тому дается власть в руки»⁴⁵. Причину огромного роста влияния большевиков Верховский видел именно в том, что они последовательно и решительно выступали за мир. Как доносил уже упоминавшийся выше председатель эсеровской организации X армии С. Рубинштейн, солдаты были убеждены, что «большевики являются единственными людьми, стремящимися к скорейшему заключению мира»⁴⁶. Истинный смысл разработанного Верховским «нового решения» в том и состоял, чтобы вырвать лозунг из рук большевиков и сделать эту «лампочку Аладина» достоянием Временного правительства.

В мемуарах Верховского часто проскальзывает мысль об оригинальности его взглядов по вопросам внешней политики правительства. Горько жалеет автор воспоминаний о том, что у него не оказалось последователей. Однако в подобного рода сетованиях имеется немалая доза односторонности и субъективизма. Верховский не был белой вороной в своем кругу, как он это изображает. И правильно понять и оценить его позицию можно лишь в том случае, если учитывать, что в

стания (1—24 октября 1917 г.». Документы и материалы, М., 1962, стр. 213; «Вольность», 15 октября 1917 г.

⁴¹ См. «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 84.

⁴² А. И. Верховский. На трудном перевале, стр. 378.

⁴³ В. Б. Станкевич. Воспоминания 1914—1919, Берлин, 1920, стр. 253.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 1239, оп. 1, л. 26, л. 1.

⁴⁵ А. И. Верховский. Россия на Голгофе, стр. 139.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 26, л. 81.

правящих сферах имелись определенные течения, которые, считаясь с угрожающе быстрым нарастанием революционного движения масс, склонялись к признанию необходимости ускорить окончание войны. Даже в центральном комитете кадетской партии сложилась группировка (В. Набоков, М. Винавер, Б. Нольде и др.), полагавшая, что «надо свернуть с путей нашего классического империализма»⁴⁷. На заседании кадетского центрального комитета, состоявшемся 11 августа, в выступлениях Набокова, Астрова и других выдвигался ряд аргументов в пользу скорейшего окончания войны. Например, Добровольский доказывал «вопреки лидеру» (т. е. Милюкову), что нет «никакой надежды на окончание войны по-нашему», что поэтому нужно «повлечь на союзников, чтобы они ослабили свои требования» и «кончить»⁴⁸.

После разгрома корниловского мятежа «противники» Милюкова в кадетской партии активизировались еще более. По их инициативе во второй половине сентября 1917 г. на квартире видного кадета кн. Г. Н. Трубецкого было созвано частное совещание для обсуждения вопроса о внешней политике России. По воспоминаниям Б. Нольде, в ряде выступлений была «ясно и просто формулирована та дилемма, к которой Россию прижали события, — разумный мир или неминуемое торжество Ленина». Тот же Б. Нольде даже в интервью, предназначенном для печати, выразил свое беспокойство по поводу того, что война превращается в «простое средство финансировать революцию»⁴⁹.

Не касаясь здесь вопроса о том, какой смысл вкладывали кадетские «миротворцы» в понятие «разумный мир», следует лишь отметить, что на политику кадетской партии в целом их доводы влияния не оказали. И после корниловского мятежа в кадетской партии продолжала доминировать ультра-империалистическая концепция Милюкова. Состоявшийся в середине октября 1917 г. X съезд кадетской партии утвердил первым пунктом платформы партии на выборах в Учредительное собрание тезис — «Война в согласии с союзниками до конца»⁵⁰.

В отличие от кадетов их партнеры по коалиции — эсеры и меньшевики — в конце сентября — начале октября 1917 г. в обстановке назревшего революционного кризиса развернули широкую «мирную» кампанию, связав ее с требованием о созыве «в самое ближайшее время» пресловутой Парижской межсоюзнической конференции, разговоры о коей велись еще с мая месяца. В начале октября эсеро-меньшевистский ЦИК принял по поводу этой конференции специальную резолюцию, в которую был включен «эффектный» пункт о том, что русская делегация должна добиваться «пересмотра союзных договоров в духе провозглашенных русской революцией принципов». ЦИК выделил одного из своих руководящих членов меньшевика М. И. Скобелева для непосредственного участия в Парижской конференции (наряду с представителями Временного правительства). Представителю «демократии» на конференции вменялось в обязанность настаивать на принятии заявления о том, что «союзники готовы начать мирные переговоры, как только противная сторона заявит свое согласие на мирные переговоры при условии отказа всех сторон от всяких насильственных захватов»⁵¹.

Лживыми разговорами о «справедливых целях войны», об отказе от «насильственных захватов» и т. п. эсеро-меньшевистские соглашатели демагогически пытались скрыть от народа тот факт, что империалисты не могут заключить справедливого, демократического мира, что «они могут заключить только позорный мир, мир о дележ награблен-

⁴⁷ Б. Э. Нольде. Далекое и близкое. Исторические очерки, Париж, 1930, стр. 145.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 692, л. 1.

⁴⁹ Б. Э. Нольде. Указ. соч., стр. 150; «День», 27 сентября 1917 г.

⁵⁰ «Русские ведомости», 15 октября 1917 г.

⁵¹ «Известия», 7 октября 1917 г.

ной добычи»⁵². Тем не менее самостоятельное выступление соглашателей по вопросам войны и мира в начале октября 1917 г. свидетельствовало о наличии серьезных трещин в правительственной коалиции, содрогавшейся от могучих подземных толчков приближающейся социалистической революции.

Верховский, решив выступить в качестве «поборника мира», несомненно учитывал положение, сложившееся в «верхах». Ему казалось, что и в правящих партиях он встретит достаточно широкую и влиятельную поддержку. Вместе с тем Верховский, разумеется, понимал, что, переходя из сферы чисто военной деятельности в область больших политических проблем, в область внешней политики, он на этом пути неизбежно должен будет столкнуться с компанией Керенского — Терещенко, за спиной которых стояли не только отечественные капиталисты, но и империалисты Антанты.

10 октября 1917 г. к «деловой» работе приступил Предпарламент. В этот день по инициативе Временного правительства здесь началось обсуждение вопроса «о состоянии обороны государства». Правительство рассчитывало, что прения по этому вопросу дадут возможность продемонстрировать «единство» буржуазии и соглашателей, показать прочность оборонческого блока. Но уже в первых выступлениях в Предпарламенте военного министра генерала Верховского довольно явно зазвучали новые мотивы, определенно говорившие о том, что в недрах самого правительства быстро вызревает оппозиция по отношению к корниловской линии Керенского — Терещенко⁵³.

Подробно изложив намеченную программу «борьбы с анархией» на фронте и в тылу, Верховский в то же время осторожно заметил, что «одним насилем бороться нельзя» и нужно во что бы то ни стало воздействовать на «психику солдата». «Весь ужас в том, — говорил Верховский, — что солдат не знает, за что он воюет, и в этом заключается пропасть между офицерами и солдатами. Если не будет уничтожена эта преграда, дело безнадежно». Верховский требовал точного определения целей войны, чтобы сделать ясным для каждого солдата, что «мы идем на смерть не ради захватов»⁵⁴.

Речь Верховского сразу же вызвала резкую отповедь со стороны члена Предпарламента генерала Алексеева. Признав, что большая часть русского народа убеждена в том, что «прежде всего и больше всего нужен мир» и армия также «погрязла в стремлении и идеях скорейшего мира», Алексеев сделал отсюда вывод о необходимости беспощадно душиť всякую «проповедь мира», «пагубную агитацию и пропаганду» и добиваться таким путем превращения армии в «здоровый организм», способный «вести дальнейшую борьбу, как бы долго она ни затянулась». Алексеев предлагал отбросить всякие разглагольствования о «целях войны» и, создав «прочную вооруженную силу», «смело решаться на операцию»⁵⁵. Речь генерала Алексеева представляла собой открытое изложение корниловской программы кровавого подавления революции без всяких оглядок на так называемую «демократию» с ее «словами» и «красивыми программами».

С тех же корниловских позиций критиковал военного министра представитель кадетской фракции Аджемов, утверждавший, что правительство должно вести с революцией «борьбу беспощадную», «действовать, а не разговаривать». Кадетский представитель предлагал сказать народу прямо и решительно, что «он не тогда получит желан-

⁵² В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 52.

⁵³ Верховский 10 октября выступал в Предпарламенте дважды — на пленарном заседании и на заседании предпарламентской комиссии по обороне.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 1239, оп. 1, д. 26, л. 5; «Временный совет Российской республики. Заседание 2-е. Стеногр. отчет», Пг., 1917, стр. 7.

⁵⁵ Там же, стр. 26—31.

ный мир, когда вонзят штык в землю, но что он мир получит только на конце штыка»⁵⁶.

По-иному были встречены выступления Верховского в эсеро-меньшевицком лагере. Как и следовало ожидать, соглашатели в большинстве своем солидаризировались с военным министром⁵⁷. Так, представитель фракции меньшевиков Либер говорил, обращаясь к кадетам: «Идите в армию и скажите солдату, что он должен оставить всякие помыслы о мире, когда идет война. Но тогда вы погубите и армию, и страну, и оборону»⁵⁸. Либер осудил «корниловский метод» восстановления дисциплины в армии и призвал «в деле обороны страны», то есть в конечном счете в деле борьбы с революционным движением масс, ориентироваться на «программу Верховского». В меньшевицкий проект резолюции по вопросу об «обороне страны и укреплении боеспособности армии» было включено требование о «создании в армии и стране полной ясности относительно чисто оборонительной цели войны, что невозможно без энергичной и открытой политики, стремящейся всеми средствами к скорейшему заключению всеобщего демократического мира»⁵⁹. Соглашатели, следовательно, добились того, чтобы Временное правительство своими действиями имитировало «миролюбие». По мнению эсеро-меньшевиков, только такая политика могла упрочить положение буржуазной власти.

Таким образом, хотя на обсуждение Предпарламента был поставлен прежде всего вопрос об обороне страны, на первый план сразу же выдвинулись проблемы внешней политики. Причем характер выступлений в Предпарламенте Верховского, с которым солидаризировался и морской министр Вердеревский, мог дать повод считать, что в правительстве благоприятно относятся к эсеро-меньшевицким проповедям о «поисках путей к миру». Между тем Керенскому и компании было хорошо известно, что союзники выражают крайнее недовольство по поводу притязаний соглашателей (решение ЦИК о Парижской конференции) на самостоятельное участие в решении вопросов внешней политики. Английское министерство иностранных дел сделало в связи с этим специальное заявление русскому послу К. Набокову⁶⁰.

Учитывая все эти обстоятельства, Временное правительство решило еще до окончания прений по «обороне страны» поставить в Предпарламенте сообщение министра иностранных дел Терещенко о внешней политике правительства с тем, чтобы дезавуировать таким образом «самостоятельные» высказывания военного министра по вопросам войны и мира. О «самостоятельности» же Терещенко достаточно красноречиво говорит тот факт, что текст своего выступления он предварительно согласовал с английским послом Бьюкененом⁶¹.

⁵⁶ «Речь», 13 октября 1917 г.

⁵⁷ Полного единства взглядов по вопросу об отношении к «программе Верховского» в партиях эсеров и меньшевиков не было. Наиболее правые элементы этих партий смыкались с кадетами. Например, меньшевичка Кускова заявила, что все «оборонческие силы» должны прекратить полемику, прекратить «разговоры» о целях войны, реформах, а совместно взяться за «водворение порядка в стране» («Речь», 13 октября 1917 г.). С другой стороны, левый эсер Штейнберг первым условием повышения боеспособности армии объявил «полную смену всей внешней политики» и «предложение всем воюющим державам немедленного перемирия» («Знамя труда», 15 октября 1917 г.).

⁵⁸ «Рабочая газета», 13 октября 1917 г.

⁵⁹ «Известия», 13 октября 1917 г.

⁶⁰ См. К. Д. Набоков. Испытания дипломата, Стокгольм, 1921, стр. 143.

⁶¹ См. Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, М., 1925, стр. 261. Характерно, что в это же время (12 октября 1917 г.) Керенский отправил главе английского правительства Ллойд-Джорджу письмо, в котором признавал, что «общественное мнение» под «давлением событий» склоняется иногда к тому, что «конец войны можно приблизить не чем иным, как дипломатическими мероприятиями и переговорами». Керенский отвергал такую постановку вопроса. И вообще актуальным для него был вопрос не о

Предпарламентские речи Терещенко (12 октября он выступал на заседании комиссии по иностранным делам, а 16 октября — на пленарном заседании Предпарламента) не оставляли никаких сомнений в том, что Временное правительство намерено и впредь совместно со своими империалистическими союзниками продолжать «до конца» кровавую бойню. Дойдя до пределов цинизма, Терещенко утверждал, что в затягивании войны наиболее заинтересован ... рабочий класс, поскольку после окончания войны с фронта возвратятся миллионы людей, которые де «не найдут приложения своему труду». На все лады доказывал Терещенко, насколько якобы «благоприятной» для страны является «комбинация соединения России с державами согласия»⁶², хотя эта «комбинация», как известно, ставила Россию в тяжелую зависимость от англо-французского и американского капитала. Вполне естественно, что выступлением министра иностранных дел остались довольны кадеты, его похвалили Милюков. И даже реакционные «Биржевые ведомости» приветствовали Терещенко, поскольку в его речах они не нашли такого места, «которое говорило бы о том, что жажда мира затмевает интересы общего дела всех союзников»⁶³.

В эсеро-меньшевистской среде речь Терещенко вызвала чувство раздражения. По мнению соглашателей, эта речь, в которой «и не пахло революцией», совершенно не соответствовала условиям момента. Такой же точки зрения придерживался и Верховский, резко осудивший выступление Терещенко. «Кажется, мы подходим к концу, — записал Верховский в своем дневнике. — Терещенко в своей речи ничего не сказал о тех шагах, которые будут предприняты им по вопросу о приближении мира. Речь его на фронте и в широких народных массах будет принята как вызов, как продолжение политики „войны до победного конца“... Какое непонимание психологии народа. Какие несчастья нас ждут»⁶⁴.

Партнеры по правительственной коалиции преследовали общие контрреволюционные цели, они в равной степени стремились предупредить надвигавшиеся «несчастья», т. е. крах буржуазной власти, и разногласия между ними касались, в сущности, лишь вопросов тактики. Однако в условиях резкого обострения политического кризиса преодолеть эти разногласия и для буржуазии и для соглашателей оказалось делом невозможным. С этой точки зрения весьма характерным явились события, происшедшие 18 октября 1917 г.

Как известно, в этот день штрейкбрехеры революции Каменев и Зиновьев выступили в меньшевистской газете «Новая жизнь» против постановления ЦК партии о вооруженном восстании, выдав тем самым врагам это секретнейшее решение. Временное правительство поспешило привести в боевую готовность все наличные силы контрреволюции. Керенским были вызваны войска с фронта. Политическая атмосфера в Петрограде накалилась до предела.

В такой обстановке в Предпарламенте состоялось голосование проектов резолюции по вопросу об «обороне страны», т. е. по сути дела, о методах борьбы с революцией. Результаты голосования оказались ошеломляющими: ни один из представленных проектов не получил большинства и не был принят⁶⁵. Предпарламент остался, таким образом, без решения по вопросу, считавшемуся в лагере контрреволюции самым важным вопросом дня. Это наглядно свидетельствовало о на-

том, как добиться мира, а «как продолжать войну в данной ситуации» («Исторический архив», 1961, № 4, стр. 103—104).

⁶² «Вестник Временного правительства», 17 октября 1917 г.

⁶³ См. «Речь», 17 октября 1917 г.; «Биржевые ведомости», 17 октября 1917 г.

⁶⁴ «Рабочая газета», 17 октября 1917 г.; А. И. Верховский. Россия на Голгофе, стр. 132.

⁶⁵ См. «Воля народа», 19 октября 1917 г.

растании кризисных явлений в отношениях между кадетско-корниловскими буржуазными элементами и соглашателями.

Но что же произошло дальше? В тот же день, 18 октября 1917 г., после голосования в Предпарламенте начались прения по вопросам внешней политики. Кадетский лидер Милюков, выступивший первым, заявил, что так как Предпарламент не принял соглашательские проекты резолюции по «обороне страны», в которых так или иначе говорилось о «шагах к миру», то правительство должно непоколебимо продолжать свою прежнюю политику, вести войну «до победы», укрепляя связи с союзниками. Милюков считал нужным поддержать Терещенко, но потребовал от него большей смелости и решительности⁶⁶.

Провал Предпарламента, а затем публичное одобрение корниловцем Милюковым, этим признанным трубадуром российского империализма, внешнеполитической линии Терещенко, по мнению эсеро-меньшевистских деятелей, могли тяжело отразиться на положении правительства. Считая, что в сложившейся обстановке для спасения престижа правительства и самой «демократии» требуются самые неотложные и эффективные меры, соглашатели решили принести в жертву Терещенко и объявить его персоной non grata. Вечером того же 18 октября председатель предпарламентской комиссии по иностранным делам меньшевик Скобелев посетил Керенского и высказал пожелание, чтобы на Парижскую конференцию вместо Терещенко был направлен другой представитель⁶⁷. Действуя подобным образом, соглашатели явно имели в виду возложить ответственность за внешнюю политику на одного Терещенко, сделать его козлом отпущения за грехи Временного правительства.

Не успели Керенский и К° определить свою тактическую линию в связи с демаршем Скобелева, как уже в самом правительстве вопрос о необходимости изменения внешнеполитического курса был прямо и резко поставлен военным министром. Произошло это на заседании правительства в ночь на 19 октября, когда Верховский заявил, что действия правительства, направленные против мира, способствуют захвату власти большевиками и что при таких условиях «катастрофа неминуема» и что «эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков». Экстренные меры, которые предложил принять военный министр для предотвращения «катастрофы», сводились главным образом к тому, чтобы сделать совместно с союзниками решительные и ясные для всех шаги к достижению мира и тем самым либо добиться «приемлемого» конца войны, либо выявить перед всеми, что виновником ее продолжения является Германия. Только такая постановка вопроса о мире, по мнению Верховского, давала возможность «перейти к решительной борьбе с анархией в тылу»⁶⁸.

С защитой империалистической политики Временного правительства немедленно выступил Терещенко, заявивший, что «о мире не может быть и речи». По его словам, Германия и ее союзники должны были «не сегодня — завтра» рухнуть и, следовательно, надо было еще немного «потерпеть». Что же касается опасности революции, то с нею, как считал Терещенко, можно расправиться и без предлагавшихся военным министром «героических мер»⁶⁹. Следует заметить, что Терещенко еще на заседании правительства 17 октября призывал приступить к активным действиям против большевиков и предрекал «верную победу» над ними⁷⁰. Корниловцы второго призыва ожидали лишь прибытия с фрон-

⁶⁶ См. «Речь», 19 октября 1917 г.

⁶⁷ См. «День», 20 октября 1917 г.

⁶⁸ А. И. Верховский. Россия на Голгофе, стр. 133; Его же. На трудном перевале, стр. 383.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См. «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 84.

та «верных войск», чтобы затем учинить кровавую расправу над революционными рабочими и солдатами. Вот почему предложение военного министра по существу и не обсуждалось на заседании правительства.

Однако, потерпев поражение на заседании правительства, Верховский не думал складывать оружие. Он не сомневался, что его точка зрения найдет немало сторонников среди «общественности». Особое внимание в связи с этим Верховский обратил на Предпарламент, поддержкой которого он надеялся заручиться. Уже утром 19 октября Верховский созвал в Военном министерстве совещание, на которое пригласил председателя Предпарламента эсера Авксентьева и председателя предпарламентской комиссии по иностранным делам меньшевика Скобелева⁷¹. Неизвестно, о чем шла речь на этом совещании, но есть все основания предполагать, что Верховский изложил перед лидерами Предпарламента свои взгляды на проблемы войны и мира. Здесь же было решено провести вечером 20 октября закрытое объединенное заседание предпарламентских комиссий по обороне и по иностранным делам и поставить на нем доклад военного министра.

Верховский готовился к заседанию в Предпарламенте как к весьма ответственной «боевой» операции. По его собственному свидетельству, в течение дня 20 октября он «объехал все руководящие политические центры Петрограда»⁷². Встречался военный министр с лидерами и кадетской партии, и «демократии», стремясь завербовать на свою сторону как можно больше союзников⁷³. Не встретился он только с представителями большевистской партии — той единственной партии, которая самоотверженно вела подлинную, т. е. революционную борьбу за прекращение империалистической войны. Но это и понятно, ибо тот беспринципный блок, который пытался сколотить Верховский, он рассчитывал в конечном счете использовать для более эффективной борьбы против революционного движения масс, возглавляемых большевиками.

В своем «весьма секретном» докладе, сделанном на объединенном заседании предпарламентских комиссий вечером 20 октября, Верховский нарисовал мрачную картину совершенно безотрадного состояния армии. План организационных военных мероприятий по поднятию боееспособности армии Верховский назвал «паллиативом», так как посредством намечаемых мер нельзя было «преодолеть все более развивающуюся и разлагающую пропаганду мира», в которой повинны были, по словам министра, большевики. В чем же он видел выход из положения? Единственная возможность бороться с большевиками, заявил Верховский, — это «вырвать у них почву из-под ног, другими словами, самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира». Верховский выразил уверенность в том, что «весть о скором мире не замедлит внести в армию оздоровляющие начала, что даст возможность, опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию и на фронте, и в тылу».

Верховский особо подчеркнул, что соответствующие шаги к выходу из войны должны быть обязательно предприняты совместно с союзниками. Такие «аргументы», как наличие 130 неприятельских дивизий на русском фронте и угроза утраты огромного долга, числившегося за Россией, были достаточны, по его мнению, для того, чтобы заставить союзников согласиться на «прекращение этой истощающей войны»⁷⁴.

Таким образом, вся суть изложенных Верховским «спасительных

⁷¹ См. «Речь», 20 октября 1917 г.

⁷² А. И. Верховский. Россия на Голгофе, стр. 134.

⁷³ См. П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 172; А. И. Верховский. На трудном перевале, стр. 387.

⁷⁴ См. «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.)», стр. 220—225. Верховский пытался склонить на свою сторону военных представителей Антанты, но последние решительно отвергли его план действий (См. А. Крех. With the Russian Army, 1914—1917, v. II, London, 1921, p. 701).

мер» состояла в том, чтобы вселить в солдатские массы уверенность в скором мире, а затем сконцентрировать все усилия на беспощадном подавлении революционных сил, возглавляемых большевистской партией. Для успеха дела, как полагал Верховский, от «руководящих политических кругов» требовалось одно — «санкция и поддержка предложенного им решения в области международной политики»⁷⁵.

Но именно вокруг этого предложения Верховского в «руководящих политических кругах», т. е. в данном случае на объединенном заседании предпарламентских комиссий по обороне и по иностранным делам, развернулась острая борьба. Милюков, Струве и прочие корниловцы потребовали, чтобы обсуждение доклада Верховского было перенесено, так как мнение докладчика не выражало «взгляд правительства в целом» по вопросу о внешней политике. «Взгляд» всего правительства мог бы изложить присутствовавший на заседании министр иностранных дел Терещенко, но он уклонился от этого, заявив, что не может выступить «ввиду неожиданно возникшего разногласия с военным министром». Меншевики и эсеры предприняли попытку не допустить срыва заседания. Дан заявил, что «нет никаких оснований откладывать прения». Скобелев, который председательствовал на заседании, пригласил Терещенко сделать сообщение, поскольку для всех было несомненно, что именно министр иностранных дел является «официальным руководителем внешней политики»⁷⁶. Но Терещенко не принял предложения председателя. Вызов, брошенный Верховским, повис в воздухе. Инсценировка, подготовленная эсеро-меньшевистскими лидерами совместно с Верховским, была сорвана.

Ход заседания 20 октября опровергает утверждение Н. Л. Рубинштейна, будто здесь сложился «единый фронт», против которого выступил только Верховский⁷⁷. Наоборот, даже короткая дискуссия по поводу доклада Верховского свидетельствовала о дальнейшем углублении и обострении разногласий в правящих сферах. Меншевистский лидер Дан рассказывает в своих воспоминаниях, что после окончания заседания к нему «с искривленным от бешенства лицом подбежал Терещенко и, швырнув на стол свой министерский портфель, „прошипел“: „Вам нужен мой портфель? Берите его! Я не стану за него цепляться“». Дан, по его словам, ответил: «Мне ваш портфель не нужен, но если вы не можете вести политику мира, то, конечно, вам надо с поста министра иностранных дел уйти»⁷⁸.

Эсеро-меньшевистские соглашатели, делавшие ставку на Верховского, склонны были считать, что конфликт между министром иностранных дел и военным министром разрешится в пользу последнего. В «демократической» печати в это время стали появляться сообщения «хорошо информированных» обозревателей о непрочном положении Терещенко⁷⁹. Но надеждам соглашателей не суждено было сбыться. Терещенко, Керенский, Кишкин и прочие «герои» второй корниловщины отнюдь не собирались приносить жертвы. Напротив, «самовольное» выступление Верховского в Предпарламенте 20 октября они решили использовать в качестве «удобного» повода для расправы с «взбунтовавшимся» военным министром — новым кумиром «демократии».

После объединенного заседания предпарламентских комиссий, закончившегося в Маринском дворце в первом часу ночи, Терещенко сразу же направился в Зимний дворец, где продолжалось еще заседание Временного правительства. Указав, во-первых, на недопустимость

⁷⁵ А. И. Верховский. Россия на Голгофе, стр. 137.

⁷⁶ См. «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.)», стр. 229—230.

⁷⁷ См. Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 58.

⁷⁸ «Летопись революции», кн. I, Берлин, 1923, стр. 169.

⁷⁹ См., напр., «День», 20 октября 1917 г.

сепаратных выступлений членов правительства и, во-вторых, на самое содержание выступления военного министра, идущее вразрез с установленной внешней политикой правительства, Терещенко потребовал отставки Верховского⁸⁰. Тут же на заседании правительства было принято решение об увольнении Верховского. Чтобы полностью обезвредить Верховского, Керенский предложил ему немедленно покинуть Петроград, и разжалованный военный министр срочно отбыл на пустынный остров Валаам на Ладожском озере⁸¹.

Кадеты и прочие сторонники открытых корниловских методов расправы с революцией не скрывали своего торжества по поводу отставки Верховского. Резкая критика Верховским корниловщины, его близость к «демократии», его планы реорганизации армии, наконец, его требования скорейшего окончания войны — все это привело к тому, что кадеты, по свидетельству Набокова, одной из своих «практических задач» ставили борьбу за «удаление Верховского с поста военного министра»⁸². Теперь эта цель была достигнута. Увольнение Верховского явилось одним из самых наглядных показателей того, что правительство Керенского — Терещенко целиком и полностью находится на кадетско-корниловских позициях.

Решив избавиться от строптивого военного министра, клика Керенского — Терещенко серьезно опасалась, что отставка Верховского, которому эсеро-меньшевики создавали рекламу «миротворца», может вызвать весьма недоброжелательную реакцию, особенно в армии. Не случайно поэтому в правительственном сообщении указывалось, что Верховский получил «отпуск по болезни». К редакциям газет Керенский обратился с «настойчивой просьбой» не помещать «никаких сообщений, заметок и разъяснений» относительно выступления Верховского на секретном заседании в Предпарламенте 20 октября⁸³. В то же время посредством некоторых несложных «демократических» маневров правительство Керенского пыталось сгладить невыгодное впечатление, произведенное уходом Верховского, и замаскировать вместе с тем факт лихорадочно поспешной подготовки новой корниловщины.

Керенский и Терещенко несколько раз совещались со Скобелевым, демонстрируя свое стремление сблизиться с «демократией». Была достигнута договоренность о новом выступлении Терещенко в Предпарламенте, которое и состоялось 23 октября. На сей раз Терещенко воздержался от критики соглашателей и даже процедил сквозь зубы, что мир действительно нужен, притом «без захватов». Но, вопреки общеизвестным фактам, Терещенко тут же заявил, что союзники стремятся «именно к такому миру»⁸⁴.

Если бы даже таким образом прозвучала речь Терещенко, произнесенная 16 октября, то соглашатели, несомненно, причислили бы его к лику «сторонников мира». Теперь же, 23 октября, когда возмущение масс антинародной политикой правительства переливало через край, когда с часу на час ожидалось «выступление большевиков», некоторые «расхрабрившиеся» эсеры и меньшевики (из числа левых) проводили министра иностранных дел возгласами «В отставку!»⁸⁵.

На первом заседании меньшевистской фракции II Всероссийского съезда Советов (оно состоялось также 23 октября) лидер меньшевиков Дан прямо говорил о возможном уходе из правительства Терещен-

⁸⁰ См. А. Керенский. Отчисление ген. Верховского. «Издалека». Сб. статей, Париж, 1922, стр. 194.

⁸¹ А. И. Верховский. Россия на Голгофе, стр. 138.

⁸² «Архив русской революции», т. I, стр. 80.

⁸³ См. «Вестник Временного правительства», 24 октября 1917 г.; А. Керенский. Указ. соч., стр. 194.

⁸⁴ «Известия», 24 октября 1917 г.

⁸⁵ Там же.

ко и «замене его представителем демократии». Необходимость «частичного обновления состава правительства» Дан связывал с «новой струей в политике демократии», которая состояла «в более активной деятельности, направленной на скорейшее достижение мира»⁸⁶.

«Новая струя», «новый курс», о которых говорил Дан, как уже отмечалось выше, находились в явном родстве с «новым решением» Верховского. Эсеры и меньшевики не могли примириться с крушением своих планов, которые они связывали с именем и действиями генерала Верховского. И хотя правительство Керенского, изгнав Верховского, еще раз отчетливо выявило свою империалистическую сущность, соглашатели, несмотря ни на что, продолжали раздувать шумиху вокруг требований об «активизации» внешней политики правительства. Несомненно, это служило одним из источников все более нарастающего напряжения в отношениях между кадетами и соглашателями. Причем, по мере обострения политической обстановки и ухудшения положения терпевшего банкротство правительства Керенского, грызня между партнерами по коалиции все более усиливалась. Когда же в Петрограде началось вооруженное восстание рабочих и солдат, разброд в правящих верхах достиг наивысшей точки. Произошло это 24 октября 1917 г.

В этот день в Предпарламенте выступил глава правительства Керенский, объявивший о «полном, явном и определенном состоянии известной части населения Петербурга, как состоянии восстания». Керенский потребовал, чтобы Предпарламент оказал безусловную поддержку действиям правительства, направленным к «немедленной, решительной и окончательной ликвидации» противников существующей власти. После многочисленных прений эсеры и меньшевики представили проект резолюции, в котором, наряду с осуждением большевиков, внимание правительства обращалось на необходимость «немедленного декрета о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительного выступления во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры». Кадетский проект резолюции ограничивался выражением «полной поддержки» правительства Керенского и требованием принятия «самых решительных мер для подавления мятежа»⁸⁷. В результате голосования большинством 123 против 102, при 28 воздержавшихся, была принята резолюция «левого блока».

Верховский мог бы торжествовать. Ведь победа эсеров-меньшевиков в Предпарламенте была и его победой. И этот успех мог показаться тем более знаменательным, что он был достигнут в тот же день, когда в правительственной газете было помещено официальное сообщение об отставке Верховского⁸⁸. Это как бы символизировало столкновение двух тактических линий в правительственной коалиции.

Эсеров-меньшевики придавали исключительно большое значение принятию их резолюции в Предпарламенте, полагая, что экстренное проведение правительством намеченных мер даст возможность дезорганизовать революционные силы и вызовет «перелом настроения в массах». Велико же было разочарование эсеров-меньшевистских лидеров, когда правительство отвергло «спасительную» резолюцию Предпарлаamenta. Керенский расценил принятие этой резолюции как «вызов» правительству и высокомерно заявил, что оно само «справится с восстанием»⁸⁹. Не для того корниловцы изгнали из правительства Верховского, чтобы проводить в жизнь его идеи.

⁸⁶ «Рабочая газета», 24 октября 1917 г.

⁸⁷ «Известия», 25 октября 1917 г.; «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.)», стр. 232; «Речь», 25 октября 1917 г.; «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 224.

⁸⁸ См. «Вестник Временного правительства», 24 октября 1917 г.

⁸⁹ См. «Летопись революции», кн. I, стр. 173.

Итак, правительственная коалиция, которую лидерам контрреволюции ценою огромных усилий удалось сохранить после корниловского мятежа, оказалась на грани распада. Бесконечные колебания, трения, конфликты привели к резкому ослаблению контрреволюционного лагеря в целом. С этой точки зрения, отставка Верховского, если рассматривать ее не изолированно, а на общем фоне политического положения, сложившегося накануне революции, явилась исходным моментом фактически уже начавшегося кризиса власти. В. И. Ленин, характеризуя состояние правящего лагеря к началу социалистической революции, отмечал, что «ни о каком *действительном* единстве эсеров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент»⁹⁰.

Впоследствии лидеры соглашательства горько упрекали Керенского и компанию за их разрыв с Верховским и за отказ даже «в последнюю минуту» стать на тот путь, на котором еще, по их мнению, возможно было «спасение»⁹¹. Многие современные буржуазные историки также резко критикуют Временное правительство и его союзников за допущенные ими ошибки, особенно в вопросе о войне и мире. Так, известный «специалист по русскому вопросу» американский профессор Флоринский пытается уверить своих читателей, что если бы Керенский «немедленно заключил мир и передал всю землю крестьянам, Ленин никогда бы не вошел в Кремль»⁹².

Критикуя задним числом «ошибки» Керенского, буржуазные историки стремятся замаскировать тот факт, что как Керенский, так и его противники типа Верховского боролись за сохранение власти буржуазии. И если наиболее дальновидные из этих политиков настаивали на «шагах к миру», то делали они это не в интересах народа, не для того, чтобы покончить с империалистической политикой, а для того, чтобы обеспечить проведение этой политики более гибкими методами, чтобы спасти таким путем власть буржуазии.

Добиться прекращения империалистической бойни и установления подлинно демократического мира могли только рабочий класс и его большевистская партия. Лишь путем свержения антинародного Временного правительства и перехода всей власти к Советам мог быть достигнут полный разрыв с отечественными и международными империалистами. И народные массы, на собственном опыте убедившиеся в гибельности той политики, которую проводило Временное правительство, буржуазные и мелкобуржуазные партии, все свои надежды на мир, на землю, на счастливую жизнь связали с большевистской партией, с Советами, с пролетарской революцией.

Задача революционных рабочих, солдат и крестьян, возглавляемых партией большевиков, состояла теперь в том, чтобы, используя благоприятную обстановку, одним ударом покончить с ненавистной буржуазной властью. В своем историческом письме членам ЦК партии, написанном вечером 24 октября, В. И. Ленин указывал: «Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!»⁹³. В. И. Ленин требовал, чтобы решение этой задачи не откладывалось ни на один день, ибо корниловское правительство могло пойти на любое преступление, предательство и провокацию, чтобы удержать в своих руках власть.

Следуя призывам своего вождя В. И. Ленина и под его гениальным руководством партия большевиков повела трудящихся России на штурм буржуазной власти и привела их к великой всемирно-исторической победе — торжеству социалистической революции.

⁹⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 7.

⁹¹ См. «Летопись революции», кн. I, стр. 172.

⁹² Цит. по ст. И. М. Краснова. Некоторые вопросы истории Октябрьской революции в освещении американской буржуазной историографии. «Зарубежная литература об Октябрьской революции», М., 1961, стр. 137.

⁹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 436.